

ШТЕДЕР

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ В 1781 ГОДУ ОТ ПОГРАНИЧНОЙ КРЕПОСТИ МОЗДОК ВО ВНУТРЕННИЕ ОБЛАСТИ КАВКАЗА. Немецкий подполковник Штедер состоял на российской военной службе. В 1781 году совершил экспедицию по Кавказу, преодолев путь от Моздока через земли кабардинцев, чеченцев, ингушей, карабулаков и осетин, в Грузию, с целью составить военно-топографическую карту, описать население гор и степей и провести геологическую разведку.

«Дневник» Штедера был опубликован академиком П.-С. Палласом в 1797 году без указания имени автора, на немецком языке. Перевод очерка об осетинах публиковался дважды. Очерк о вайнахах на русский язык не переводился.

Перевел с немецкого В. Аталиков

Это путешествие было предпринято с целью исследовать центральную часть Кавказа, особенно путь в Грузию и Имеретию, составить военно-географическую карту, описать горское население поселений в степи у подножия гор и провести исследование в царстве минералов.

Я отправился в путь на этот раз пораньше, когда вздувшиеся реки составляли меньше препятствий для вступления в горы. В середине мая и начале июня здешние реки вздуваются вследствие таяния снега и льда на высоких горах, и тогда уже нелегко возводить мосты; дороги проходят через переполненные водой долины, и все переправы и переходы становятся опасными и неприступными. Путешественнику остается единственная опасная и тяжкая тропа карабкаться по скалам и высоким горам.

С отрядом в 50 казаков и несколькими переводчиками я отправился из Моздока в исследование пути в Грузию через Малую Кабарду. Как раз в это время распространился слух о том, что разбойничий отряд чеченцев тайно подошел к Моздоку, и это несколько изменило мои планы. Я решил отыскать убежище и тайную тропу этих разбойников, которые нам так мало известны. Они полагаются на скорость своих лошадей. Независимые в пустынной степи и свободные от всяких ограничений вследствие нашего постоянного снисхождения к их известным набегам, они уводят людей и скот, и сразу же лес обычное их местопребывание скрывает их. Крепость Моздок находится на юго-восточной стороне на правом берегу Терека, окружена густым лесом, который имеет свыше 200 сажень в ширину, с камышом и небольшим озером в густых зарослях, которые являются наилучшим местопребыванием этих грабителей. Сразу у выхода на дорогу слева стоит (ибо другой находится справа, между Терекком и болотом) небольшой разрушенный редут, который называют Карантином; он имеет безопасную позицию и сам незаметен из-за предлежащей возвышенности. Весьма удобно, что она своим выступом выдвигается на одну версту на юг, где оба выхода из леса приближаются друг к другу. Здесь открывается широкая панорама; оба выхода запираются, и эта позиция из-за прочных берегов и прилегающего озера безопасна и удобна. 50 хороших конных казаков было бы достаточно, чтобы положить конец грабежам. Лежащая на противоположном берегу Терека степь намного выше и плодороднее, чем северная, которая в июне вся уже выжжена солнцем, а эта все еще полностью зеленеет. Главная причина этого заключается в том, что северная степь песчаная и не имеет орошения, а лежащая на другой стороне состоит из прекрасного чернозема и получает больше влаги с гор.

С кабардинскими проводниками, состоявшими при мне в моем исследовании, я проследовал обычной дорогой в сторону Грузии через Ахловские и Мударовские кабаки. Здесь мне сообщили слух о набеге чеченцев, которые в прошлую ночь убили нескольких чабанов. Вообще кабардинцы и чеченцы неприятели, но некоторые из алчности и жажды добычи тайно поддерживают друг друга в грабежах. Во избежание предательства со стороны кабардинцев я взял с собой, помимо нескольких переводчиков и проводников, молодого князя Темрюка, с твердой решимостью с моим

маленьким отрядом подойти как можно ближе к жилищам чеченцев по их длиннейшим ущельям. Для предосторожности, быстроты и внезапности операции я занял один из хороших выходов; большую часть отряда я поставил так, чтобы быть скорее обнаруженным и создать видимость, будто я встретился со многими затруднениями. Между двумя горными грядами, Беланчей и Ахловской, которые тянутся параллельно друг другу на 8 верст с востока на запад, лежат самые большие ахловские поля и пастбища в ровной и плодородной долине. Обе гряды, особенно северная, имеют местами лесные массивы и много небольших соляных источников у подножия гор, с которых ручьи стекают на плоскость долины. На востоке, в области полей и пастбищ, живут земледельцы и пастухи; возле перевала лежат небольшие земляные траншеи и деревянные подмости. Эти укрепления против нападений состоят из двух кругов плетней в человеческий рост высотой, между которыми насыпана земля толщиной в 4 фута, и в них имеются бойницы. Сверху положена соломенная крыша, под которой они хранят свое посевное зерно и инструменты и устраивают себе ночлег. Узкий вход загорожен двумя арбами. Для чабанов они строят клетки из положенных друг на друга бревен, на 4 сваях, на высоте 4 сажень от земли, и в них также устроены амбразуры.

Итак, я дошел до полей и затем повернул на юго-восток, к узкой части реки Ачулак, которая течет на равнине в северо-восточном направлении. По этому ущелью можно идти прямо от Моздока до Ингушей и до Терека. В 15 верстах выше впадает в него с востока Калмыцкая река, с высохшим руслом, которое имеет у своего истока озеро, заросшее камышом. Между горами идущего на восток каньона и находится тайная тропа чеченцев, по которой я проследовал, и через 7 верст от Ачулака пришел на гору, где у дороги стоит каменный столб. Отсюда мы увидели Сунжу и пошли между горами на восток прямо по этой реке.

РЕКА СУНЖА

Под этой горой тянется на несколько верст возвышенность, идущая параллельно Сунже на расстояние в 3 версты. На ее юго-восточной вершине находится так называемая Брагунка-кечана, или «могила нетлеющего тела». Над могильным сводом стоит четырехугольное продолговатое строение из гладкого тесаного камня в 3 сажени длиной и в 1,5 высотой; вследствие прочности постройки она мало пострадала от времени. Купол построен из такого же камня и имеет два наклонных отверстия для освещения. Подобные сооружения несколько раз попадались мне в степи далеко от линии в разрушенном состоянии; местные предания называют их калмыцкими молитвенными домами.

У входа в ущелье стоят три камня с арабскими надписями; на одном из них написана фамилия, на другом дата, на третьем фраза из Корана.

Устное сообщение, которое я получил об этом погребении, производит впечатление сказочности. Внутри него в четырех углах стоят горящие светильники, из-за дыма которых, идущего через отверстия, оно прекрасно видно русским лазутчикам. В центре площадки было небольшое круглое отверстие, через которое я спустился в погребение. Я подошел к трупу, который лежал у входа на обвалившейся земле. Кроме запаха в могиле ничего не было заметно. Из-за темноты я приказал принести светильник и нашел труп лежащим в направлении строго с запада на восток на по большей части сгнивших дубовых досках. Возле головы и ног лежали узкие мостки. На самой дальней южной стороне я нашел еще один хорошо сохранившийся труп, плотно завернутый во множество толстых полусгнивших шелковых тканей. Он лежал на спине с иссохшими и крест-накрест сложенными руками. Тело было совершенно разложившееся, или точнее, только с кожей, обтягивавшей скелет женской фигуры. Напротив, на северной стороне, лежал мужской труп. Между ними лежали еще другие трупы, которые я из-за насыпанной на них земли не смог хорошо рассмотреть.

В восточной каменной стене было четырёхугольное отверстие, где в позе бегущих стояли высохшие фигуры борзой собаки и зайца. Я приказал вынести их на свет и обнаружил, что они без волос, а у зайца отрезана половина уха; других повреждений не было. Предание о том, что преследуемый заяц хотел спастись в отверстии гробницы, а собака последовала за ним, и таким образом оба, как и другие трупы, сохранились в целости благодаря ветру, тем неправдоподобнее, что голодный пес так и не смог догнать раненого зайца.

Я расположился лагерем в 2 верстах от этого погребения, в лесу под возвышенностью. На правой стороне реки, на выступе лесистого предгорья, имелись следы старых кабардинских жилищ на крутых берегах реки Эндерипс, которая несколько ниже впадает в Сунжу. Их позиция была в высшей степени прочной и выгодной для жителей степи; теперь же все здесь пусто. Правда, по дороге сюда мы заметили на траве свежие лошадиные следы, но людей не видели. Дело в том, что размещенные на деревьях их дозоры получили от прохожих известие о нашем маршруте.

Я оставил сотника с 20 казаками в склепе, где их не могли заметить прохожие. Двоих человек я послал к этому склепу; они поскакали туда и примчались к спрятавшемуся сотнику, которого они нашли неожиданно окруженным и взятым в плен. Их предводителем был молодой андреевский князь Шабулат Аджи, сын Муртазали, со своим приемным отцом, старейшиной карабулаков и с 9 чеченцами на лошадях. При первой же угрозе он ушел в Малую Кабарду для оправдания; лживость его отговорок стала ясна, когда мой спутник, кабардинский князь, ничего о нем не пожелал знать, и при нем были честные чеченцы. Я приказал всех обезоружить и издалека наблюдать, обратился к ним дружески и под разными предлогами удержал их при себе.

Верхняя дорога к чеченцам и их родичам проходит близко отсюда под лесистыми предгорьями. По другой, нижней, я пошел более длинным путем по левому берегу Сунжи, которая идет отсюда на северо-восток, а затем поворачивает на восток. Сунжа течет в болотистых глубоких берегах, не так быстро и сильно, как впадающая в нее ниже река Небен. На обоих ее берегах располагается большой лесной массив, и в нем растут столь редкие на линии липы.

Их местности это прекраснейшие долины и плодородные холмы, которые на северной стороне на всем протяжении шириной в 2 версты простираются до истока реки. На пространстве в 100 верст длиной и 60 верст шириной уже более 80 лет все здесь лежит невозделанным и служит сборным пунктом диким животным и разбойникам; первых мой отряд много настрелял про запас.

Я переночевал в лесу в 8 верстах выше Аксая, возле лежащего севернее горячего ключа. Возле впадения Аксая южный берег Сунжи встречается с густым лесом, который постепенно расширяется до Аргуна и создает непроходимые заросли. Через него текут разные реки с предгорий, а в самой середине Балл-су (Медовая река), на которой живет маленький народец того же названия, живущий только разведением пчел. В 5 верстах от Сунжи, на южном склоне северных гор, в обрывистом глубоком каньоне бьет горячий ключ. На полпути к этому ключу с древних времен стоит в одну сажень высотой камень с крестом, так что в здешних местах сохраняются следы древнейших жилищ. Из-под скалы высотой в 6 сажень бьют три ключа разных размеров. На скале стоят остатки разрушенной четырехугольной башни, в 3 сажени в поперечнике; входа не видно, однако со стороны ключей есть бойница. На другой, более высокой горе, восточнее, имеются следы подобной же башни, которая поперечной стеной была соединена с первой, что явно заметно. Кажется, они служили для контроля ключей; других следов жилищ тут не видно. Главный источник находится с восточной стороны склепа и бьет наружу с большой силой из-под расколотой скалы. Температура воды очень высокая, как в Брагунских, Бештауских и других известных мне на Кавказе источниках.

Состав источников четко определяется по осадкам серы, глауберовой соли, витриоля и окислов

железа. Сера оседает на всех стеблях и ростках в воде и покрывает все. Эти серные цветы совершенно сгорают в огне. Соль оседает несколько выше, на холодные места, на камни и стоящие рядом скалы, так что ее можно собирать там в большом количестве. Витриоль поднимается высоко и ложится на землю или скалы желтоватым налетом. Горы с железистым камнем объясняют их воинское искусство. Этот источник лежит на пограничной линии, несколько выше Наура, в 50 верстах к югу от Терека, и в числе других трудностей перехода по этим скалистым горам следует назвать отсутствие более лучшей и прямой дороги сюда.

Несколькими верстами южнее находятся два незначительных нефтяных источника, так что здесь повсюду просачиваются теплые воды. Эти скалистые горы, кажется, содержат в себе много минералов, особенно железа, который обычно заметен днем в песчанике; часто встречаются соляные источники, иногда сладкая вода, и в некоторых лощинах нечто вроде кустарника. Помимо упомянутого выше ущелья Ачулака нет больше дороги, но я полагаю, что можно пробраться верхом по более трудной обходной дороге.

К вечеру я получил новое тревожное известие. В горах, а также и позади нас, в ущелье на обратном пути, было замечено большое скопление людей. Для безопасности я занял башню у источников и в ней стал ожидать развития их планов, надеясь на лучшее. Двоих казаков я попытался отправить в Моздок с донесением, и чтобы за три дня их отсутствия ничего не случилось, я укрепился на этом месте. Те не пришли, так как хотели дождаться ночи; сидеть в темноте, без известий о положении дел и не зная дороги по этим горам, казалось мне нестерпимым. В сумерках через единственный свободный проход я проник от источника в лес, к изгибу Сунжи, где на крутом берегу с лесом я мог защититься от первого натиска. У плененного князя угрозами и обещаниями я выведал, что несколько партий численностью более 100 чеченцев уже несколько дней бродят в этой местности; они могли видеть только следы, но не нас. Поскольку он был трусливого и робкого характера, я пригрозил ему лишением жизни за то, что он утаил это обстоятельство, что могло нас спасти, и оставил его сомневаться в том, что его участь будет решена при их нападении.

Я решил перебраться на правый берег, когда больше стемнеет, и незаметно выбраться на Верхнюю чеченскую дорогу к предгорьям, а оттуда пройти к ингушам. Я приказал казакам с пиками всю ночь защищать более высокий правый берег реки. К утру, когда мы были готовы к походу, вздулась река из-за грозы в горах, так что вода залила берега и сделала бесполезными все наши попытки переправы. Теперь, чтобы, по крайней мере, сменить нашу открытую позицию, я прошел через заросли, лес и тысячу препятствий 20 верст вверх и остановился на таком же твердом скрытом лесом берегу. Недалеко находился ровный берег; я перешел туда и разведал противоположную местность, где в 20 верстах находилась земля карабулаков. Этот народ, формально друг и союзник чеченцев, вследствие частых угонов их скота сделался самым непримиримым их врагом. Я решил воспользоваться этими разногласиями между двумя народами, противопоставив карабулакам князя Шубулова и его родственников, как если бы я имел приказ расследовать дело об ограблении карабулаков и помочь им в их жалобах.

Я заметил конный разъезд; сильный отряд, который должен был сегодня прибыть против чеченцев, был на подходе. Карабулаки с некоторого времени содержались прекрасно в Кизляре, получая помощь и защиту, и на будущее они были обнадежены. Под этим предлогом защиты я полагал добраться до карабулаков, а если будет возможно, то и до лесов чеченцев.

После всех размышлений я пришел к выводу, что обратный путь опаснее, чем движение вперед. Нужно было скорее найти выход через горы к карабулакам, иначе была вероятность увидеть вскоре перед собой патрулирующих чеченцев, как только они заметили бы нас приближающимися к их жилищам. Также, чтобы при помощи ложной тревоги такой операции освободить обратный

путь или найти в горах другой путь, ночью я прошел с 20 казаками, андреевскими и кабардинскими князьями и их свитой к Сунже. Сотнику и оставшимся с ним казакам я приказал укрыться и защищаться за деревьями и связанными вместе бревнами до моего возвращения. После этого я пошел самой длинной верхней чеченской дорогой через плодородную долину Гарамант, которая лежит между предгорьями и Сунжей, и через 21 версту на юго-восток вышел на рассвете на реку Аксай, которая скорее быстрая, чем глубокая, и катится по плоскому каменистому ложу.

РЕКА АКСАЙ (БЕЛАЯ РЕКА)

Эта река была такая быстрая и бурная, что я с трудом переправился наискось против течения. Кабардинского узденя, сопровождавшего своего князя, вследствие того, что он ехал отдельно, течение увлекло вниз. Молодой князь прекрасно проявил себя в этих обстоятельствах: он помчался вниз, бросился в реку и спас его, рискуя своей жизнью. В наших глазах это был прекрасный и редкий поступок, для него же это было естественным и обычным делом, которому нисколько не нужно удивляться.

Я приказал здесь немного отдохнуть и возвратил, ради благородного поступка князя, андреевским князьям и карабулакам их оружие, дал много обещаний в обмен на их советы и постарался убедить их, что я вчера уведомил свое руководство о нашем выступлении к карабулакам, так что, если мне снова причинят зло, то возмездие их настигнет. Мы нашли в этой местности много пунктов, где добывается красная краска, что можно сделать здесь обычным способом.

Двумя верстами южнее мы перешли через реку Псимолга, которая имеет глубокие болотистые берега и несколько ниже брод; на равнине она соединяется с Аксаем. Через несколько верст пути по редкому лесу и открытой долине можно прийти в район лесистых предгорий, откуда вытекает река Фортан; между ее левым берегом и предгорьями лежат разрушенные жилища карабулаков.

РЕКА ФОРТАН

Эта река катится на север в каменистом плоском ложе по долине длиной в 20 верст и впадает в Сунжу; она менее быстрая, чем Ассай или Аксай, однако на ней, как и на вышеназванных реках, растёт очень редкий лес, да и то лишь на рукаве. Перед входом в долину лежит небольшая плоская возвышенность, которая подходит к крутому берегу Фортана, и здесь течение реки замедляется. Через версту долина расширяется и тянется на юг на 8 верст между двумя лесистыми предгорьями, все более сходящимися вместе. Здесь каждая фамилия или маленькая община насчитывает от 40 до 70 человек и имеет возле своего жилища башню из необработанного камня высотой в 34 сажени, в центральный вход которой поднимаются снаружи по приставной лестнице. Наверху имеется отверстие, которое представляет собой крышу, выложенную просто из досок, которую можно убрать в военное время. Стены башни не очень прочные; в них есть небольшие отверстия, но не на всех сторонах, а фундамента нет. Обе секции башни занимают самые знатные; внутри в одном углу эти секции сообщаются между собой. Скромный двор с плохими хижинами окружает каждую башню. Эти хижины построены из камня и бревен, у беднейших же они возведены из плетня и обмазаны глиной. Огонь размещают в центре жилища; свет проникает туда через дверь. Они имеют небольшие огороды, где выращивают прочную коноплю, бобы, редьку, турецкую пшеницу и табак. Мое внезапное появление еще до восхода солнца вызвало в деревне страх, смятение и стечение народа. Когда в суете из-за взаимного непонимания ничего не выяснилось, я сел на возвышенности перед долиной и приказал карабулакам с переводчиком войти в деревню и переговорить с их старшинами и сказать им, чтобы они попросили милости и защиты со стороны русской монархии. Те ожидали начала переговоров в некотором расстоянии от отряда; чтобы устранить их подозрения, я подошел к ним и приказал, для своей безопас-

ности, андреевским князьям, как их соплеменникам, вернуться назад к отряду. Кажется, они подчинились мне охотно и покорно. Они горько оплакивали себя из-за чеченцев, которые не только угнали весь скот, но также не позволяли, и работать в поле. Постоянные тревоги измотали их; их лучшие воины пали в защите их достояния, и почти ничего более не осталось от этого народа, кроме малолетних несмышленных детей. Они умоляли о защите их русскими, просили приказать крестить их, давали заложников и уверяли меня, на мою просьбу более подробно описать границы реки Сунжи, что они охотно это сделают, если их защитят. Их бедственное состояние и положение, непрерывная вражда к ним со стороны их более сильных соседей, их слабость и нищета не позволяли сомневаться в искренности их слов.

Они среднего телосложения, худощавые, крепкие, дикие и пылкие на вид, податливы на ласку и **грабители по бедности и привычке**. Они живут плохо, одеваются на татарский манер и питаются очень умеренно. Просыная лепешка или сыр, вареные в воде, иногда мясо этим они утоляют свой голод. С провиантом на шесть недель и оружием они легко отправляются на охоту и в набеги в горы. Из-за их образа жизни и почти единственного стремления защищать себя, удерживать свою свободу, грабить и охотиться, держатся они дикими, воинственными и отважно смелыми. Их маленькая долина недостаточна для земледелия, и вследствие этого все их помыслы направлены на грабеж.

Безопасность общества обеспечивается у них так же, как и у других горских народов. Самая священная их добродетель это гостеприимство (канаклык), как святая и неприкосновенная: однако у них допускается и кровная месть для поддержания вольности; это порок, который считается самым безобразным во всех обществах, признающих закон. Зато зависть, это ужасное чувство у цивилизованных народов, им совершенно неизвестна. Все это имеет силу, в большей или меньшей степени, у их соседей: чеченцев, гихов и аттигеров, с которыми они одного происхождения и говорят на одном и том же языке. Они частично понимают и татарский язык, однако не имеют письменности и опыта в искусствах, кроме изготовления оружия.

Их история неизвестна, как и история всех кавказских народов, и еще менее исследована, так как они не составляют цельной народности, но являются беженцами из вытесненных народов.

Иностранцы и торговые люди редко бывают у них, так как у них нет ничего лишнего, а свои малые потребности они обеспечивают себе сами.

У них есть кое-какие элементы естественной религии; они почитают высшее существо, верят в будущую жизнь и проявляют, из древнего установления, большую склонность к христианской религии. Убранство надгробных памятников устроено у них на магометанский манер, с деревянными тюрбанами и с установленными на них шестью со знаменами; вероятно, это заимствовано ими у соседей. Их конституция, поскольку каждый живет без закона, демократическая, ибо в случае всеобщей опасности они решают дела всенародным голосованием; в частных же делах используется кулачное право. В случае возникновения ссор между фамилиями народ принуждает их к мирному соглашению. Как и ингуши, они носят **небольшой шит, пятифутовой длины копье, хорошее ружье и легкую саблю, не считая кинжала и ножа. Короткая пика с одним крючком служит им частично в качестве подставки для ружья, причем комель и стержень у нее очень легкие; она чаще всего находится под щитом, а в случае крайней необходимости используется как дротик.**

Отражение удара щитом рассматривается у них как великое умение, и несколько бойцов не могут причинить одному из них никакого вреда. Древний арбалет вышел у них из употребления вследствие появления огнестрельного оружия, и теперь он остается у них лишь как забава для детей. Щит изготавливается из прочнейшей дубленой кожи. Он слегка овальный и в длину

больше аршина. На концентрической окружности гвоздями приклепан железный лист, он достаточно прочен против сабельных ударов. На его внутренней стороне прикреплены два ремня для рук, а также прибита войлочная подушка. Еще один более длинный ремень служит для того, чтобы подвешивать щит на плечо во время похода. Без щита и короткой пики они не выходят из дома, и никого в деревне нельзя увидеть невооруженным. Когда они стоят или разговаривают друг с другом, то опираются на копья и держат свои щиты в левой руке.

Я осмотрел их долину и насчитал в ней одиннадцать башен, которые лежали разрушенными в некотором расстоянии от их жилищ. В 8 верстах южнее, под высокими скалистыми горами, протянувшись с запада на восток, находятся самые большие и самые удаленные деревни, к которым ведет узкий проход между Фортаном и западными предгорьями. Они живут скотоводством и немного занимаются земледелием. Их самое большое земляное сооружение находится в начале равнины; из-за страха перед нападениями оно лежит недостроенным. Сейчас они могут выставить в поле не более 700 полностью вооруженных воинов, хотя прежде были сильнее.

Благоприятный климат обеспечивает им долголетие, но из-за раздоров они проживают только около четверти века, и сейчас их полному искоренению мешает только многоженство.

В полдень ко мне явился молодой чеченец с сообщением, что его народ ввиду приближения русского отряда пребывает в беспокойстве; женщины и дети убежали в лес; патрули, высланные вчера, возвращаясь в свои деревни, заметили на рассвете русских в своей местности. Он принес это сообщение от своих сородичей. Я уверил его, насколько мог, что это преувеличенное известие, но если они упорствуют в своем заблуждении, то я должен буду выступить против чеченцев сразу же после того, как присоединюсь к остальным. Этой отговоркой я сумел скрыть свой обратный путь и решил вернуться назад незамеченным к своему отряду через лес под горами, выполнив одновременно главную задачу обозрение чеченских местностей.

Ввиду опасности карабулаки обеспечили меня конвоем и поддержкой, без которых я мог бы задержаться; они уверяли меня, что должны сопровождать меня верхом на лошадях. Их неожиданная услужливость и скаканье на лошадях показались мне в моем удручающем положении несколько сомнительными, особенно когда при скоплении народа андреевский князь начал поносить кабардинских князей. Я поспешил прочь, не дожидаясь их конвоя, приказав им не следовать за мной, а побеспокоить их врагов на другой стороне.

Я пошел открытой дорогой через редкий лес на востоке к реке Гиха, на которой выше, под горами, живет народ того же названия, происходящий от чеченцев.

РЕКА ГИХА Гиха это маленькая речка, которая течет с высоких гор на востоке по равнине и сливается с русским Фортаном до того, как они обе впадают в правый берег Сунжи. На ее левом берегу находится небольшой, а на правом берегу более высокий холм, между которыми идет небольшой лесок. Я проследовал через него до того места, где он соединяется с непроходимым лесом на русском Фортане.

РУССКИЙ ФОРТАН

Эта река получила свое название от русских беженцев и староверов, которые некогда поселились здесь. Я полагаю, что гребенские казаки, которые сейчас живут на Тереке, получили свое название от тех гор, на которых они поселились первоначально. К числу доказательств этого можно отнести множество греческих крестов, которые стоят в этой местности на могилах. Эта местность сейчас ими оставлена, и теперь там живет чеченский род, который называет себя Аттайя; через 7 верст я достиг их жилищ. Через 10 верст поднимающийся над лесом дым открыл мне позицию чеченских деревень. Их трудно было увидеть в густом лесу, который расширяется в северную сторону.

РЕКА АРГУН

Через эти большие леса течет Аргун, большая стремительная река, соединяющаяся у теплых источников с Сунжей, которая у Щедрина впадает в Терек. На правом берегу Терека, у его истока, стоит гора; на этой высокой крутой горе через подзорную трубу я увидел башню.

Дорога к жилищам чеченцев идет по узкой и трудной лесной тропе. При нападении на них они перекрывают эту тропу и стреляют в противника из-за деревьев. Когда обнаруживается наше нападение на них, они от Щедрина до Чевелонны находят себе помощь в горах, в узких ущельях, в лесах длиной в полдня пути преодолевают тысячи препятствий, особенно кавалерия, которая обычно используется в таких случаях, и она неожиданно и быстро приходит к ним. Тогда стоят их хижины покинутыми до тех пор, пока они скрываются в ущельях и лесах, и возвращаются в них, когда минует опасность.

Нельзя ли при таких обстоятельствах подойти поближе к их жилищам со стороны Кабарды, с западной стороны, которая удобнее и лучше? Можно по равнине Малой Кабарды по лесу подойти к их жилищам и по верхней Кумыкской дороге обойти и окружить их. Если бы вышеназванное их отступление в горы было тогда перерезано, тогда они не смогли бы надеяться на какую-либо помощь. **Оккупация реки Сунжи вместе с горскими народами, живущими на ней, могла бы послужить предотвращению жестоких набегов их беспокойных отрядов на нашу линию. Жители Малой Кабарды и карабулаки охотно сожгли бы эту местность, если бы могли надеяться на помощь со стороны русских;** тогда Грузинская и Горная дороги снова стали бы открытыми и безопасность движения была бы обеспечена. Отсюда я пошел на север через лес, который тянется на 15 верст до Сунжи, затем повернул на запад, легко перейдя Аксай, который широко разлился и образовал островки. Здесь я решил во избежание опасности уклониться от Сунжи в степь и, идя прямо на юго-запад, выйти к оставленному позади моему отряду. Я уже приблизился к нему на 5 верст, когда мой авангард заметил один отряд, который сначала поспешил к нам навстречу, но затем снова удалился. Мы поспешили к оставшимся в лесу, которых и нашли спрятавшимися в страхе и ужасе за деревьями. В течение двух часов они были обнаружены и окружены, и сдались без серьезного сопротивления, поскольку наше появление было для них совершенно неожиданным. Это были как раз те, кого мы заметили раньше и которые были отогнаны в горы, где они, вероятно, прятались прошлой ночью.

Два казака, которые сидели в карауле на деревьях, подвергались опасности, вследствие чего один убежал через реку, а другой пропал перед самым моим прибытием. Оставив западные возвышенности и найдя тыл свободным, я вывел отряд из леса на Сунже и пошел вверх вдоль реки. Через 7 верст мы наткнулись на пропавшего казака, которого его похитители утащили в лес недалеко от нашего поста. Некоторое время спустя мы снова заметили на западных высотах две группы численностью от 3 до 7 человек, которые наблюдали за нами с расстояния в 3 версты. В конце концов я обманул их тем, что незаметно послал против них через ущелье 20 казаков, которые их разогнали и преследовали. Один старик, брошенный ими, стал нашим пленником; остальных наши изнуренные лошади не могли преследовать. Этот старик подтвердил то, что нам было прекрасно известно: что о наших планах и силах им ничего неизвестно, так же, как и о нашем неожиданном нападении на их деревни; все другие ушли в свои жилища, только он один с некоторыми задержался на охоте. По его просьбе, учитывая его преклонный возраст, я отпустил его на свободу.

Возвышенности, которые тянутся на запад параллельно реке, простираются на 30 верст выше нашего ночного лагеря на Сунже и замыкаются холмом на берегу этой реки. От этого холма горы поворачивают на юго-запад, а главный хребет на запад, к Татартупу, где лежат деревни ахловцев и малокабардинцев. Река Назиран вытекает с южных склонов этих возвышенностей, течет под

ними до вышеназванного холма и впадает в Сунжу. Мы подошли к одному холму, на котором стоит большой надмогильный камень, и пошли дальше через отмели Назирана по крутой дороге по лежащим на его правом берегу возвышенностям.

РЕКА НАЗИРАН.

Назиран небольшая река, которая бежит на северо-восток по болотам, заросшим кустарником и тростником; у нее прозрачная вода и топкое ложе, поэтому ее кроме как на отмелях невозможно перейти. Эти трудные переправы, возвышенности и сама Сунжа, которая бежит на запад через лесистые горы, образуют здесь крепкое тесное ущелье, у которого ингуши обычно держат заставу. На южной стороне находятся остатки другого поселения малокабардинцев: надгробные памятники, абрикосы и другие плодовые деревья их прежних садов и т. д. Поскольку они истребили князей своих восточных соседей, то, опасаясь преследования, они ушли с Эндерипса на юг к этому узкому ущелью, где и поселились на равнине между Сунжей и Кумбелеем. В течение 50 лет они, вследствие тревог и многочисленности скота, переселились на запад в горы на реку Мarmorлик. Здесь они также подвергались грабежам со стороны горцев, из-за чего переселились к северу от скалистых гор, где и живут сейчас.

Это ущелье на Назиране возле Татартупа могло бы стать вторым важным постом, с помощью которого можно было бы держать в узде кабардинцев и чеченцев. Природа и положение обеспечивает им крепость и все насущные потребности.

Я переночевал в 5 верстах выше ущелья возле реки Турш, которая вытекает из восточных гор, течет по полям ахгуртов и впадает в правый берег Сунжи. Из-за грозы в горах в эту ночь Сунжа разлилась так сильно, что стоявший на другой стороне пикет не смог переправиться через нее до следующей ночи.

Я проследовал по берегу Сунжи по плодородным долинам и полям ингушей до гор. На той стороне, в 4 верстах к востоку, в лесистых предгорьях находятся 3 4 деревни ахгуртов, которые представляют собой смешение карабулаков и ингушей. Вследствие того, что у них хорошие земли, а также вследствие их слабости и незащищенности позиции, они менее необузданны и меньше занимаются грабежом, чем их горские соседи. Вообще я заметил, что недостаток материальных средств и прочные позиции более всего поощряют к грабежу и поддерживают дикость народов, а равнинные земли и возможность заниматься земледелием делает их культурными и дружелюбными.

РЕКА КУМБЕЛЕЙ

Через 5 верст на запад мы вышли на реку Кумбелей, к ингушам, или кистам, которые живут у ее истока в лесистых предгорьях. Эта река вытекает из области Больших ингушей, лежащей в 6 верстах южнее, протекает через высокие лесистые предгорья, затем поворачивает на север, течет по равнине 40 верст на северо-запад до Ахловских гор, где поворачивает на север, и в 4 верстах от Татартупа впадает в правый берег Терека. У нее топкие берега и каменистое ложе; она бежит не очень быстро; во многих местах через нее можно переправиться верхом; на ней, как и на других реках, есть небольшие леса, которые подмываются течением. По Ахловским горам проходит Грузинская дорога, по которой можно пройти, когда потоки дождя не делают ее непроходимой. В недавние времена в предгорьях возле нее поселилась колония ингушей, называемая Шалха. Рост численности в небольших плодородных районах вытеснил их на равнину. На левом берегу Кумбелея, вплотную к горам, живут около 200 фамилий. На правом берегу, на равнине вдоль маленькой речки, располагаются другие деревни. Здесь каждая фамилия держит собственную водяную мельницу, устройство которой такое же простое, как и эрудиция этого народа. Эти мельницы здесь вообще широко распространены, однако я не знаю, сможет ли какой-нибудь другой народ так легко и с небольшими хлопотами понять их назначение, чтобы поставить свою

мельницу возле собственного дома для соответствующего использования. Маленький мельничный камень быстро вращается небольшим водяным колесом, на которое под острым углом падает вода, текущая через полое бревно или желоб. Воронкообразный зерновой ящик из древесной коры подвешен на четырех веревках; его трясет шток, соединенный с мельничным камнем. Обточенный камень в отверстии другого служит в качестве вала железной цапфы. Раздвоенная балка под осью опирается в подставку жернова. Все сооружение исполнено без применения железа. На мельницах работают женщины, они же исполняют и все домашние и полевые работы, а также шьют одежду.

В сравнении с другими жителями гор этот народ можно назвать зажиточным, поскольку он имеет в изобилии скот и зерно, и при этом живет умеренно. Когда хотят есть, они пекут из просяной, ячменной или пшеничной муки маленькие круглые пироги. Приготовленное тесто кладут на круглый камень и наполовину пекут, затем вкладывают в круглую чашку, и оно окончательно готово. Получается нечто комковатое и твердое, что может переварить только желудок этого народа.

Во время праздников они варят отличный портер. Они одеваются как карабулаки и вооружаются копьем и щитом, ружьем, саблей и кинжалом, только их одежда и оружие лучше и более изысканное.

Они сражаются обычно на лошадях, но в горах чаще пешими, и очень умело пользуются щитами. Я видел схватку 30 человек, возникшую по поводу оскорбительных слов; оскорбление словом считается у них величайшей обидой, которая стоит жизни. Некоторое время они бились на саблях так, что я думал, что большинство из них будет ранено, однако раненым оказался только один человек, но многие хвастали десятками ударов по их щитам. По любому пустяковому поводу они хватаются за сабли, и я видел много подобных схваток, но без серьезных последствий. К огнестрельному оружию они прибегают только в крайних случаях, как, например, при кровной мести или во время неприятельского набега. Единство общества поддерживают их старейшины, вследствие состоятельности или силы фамилий, и они умеют направить их к определенной цели. Влияние их на простых людей очень сильное, как и в других областях в горах, где равенство поддерживается по большей части всеобщей бедностью. У одного такого старейшины Чоша, благопристойного гостеприимного человека, я квартировал во время непогоды. Дождь, столь редкий на нашей линии, здесь бывает очень часто. Жилища этих ингушей это плохие деревянные хижины, которые при нападении на них покидаются без сожаления, так как у них нет башен и укреплений. С ингушами в горах они поддерживают самые тесные семейные отношения и дружбу, чтобы в крайних случаях у них можно было найти защиту. Оставленные земли и дома в горах они сдают в аренду своим родственникам или передают им как феодал, пока сами скрываются в горах. Дорога в область Больших ингушей их второе место проживания идет через лесистое предгорье; сначала по правому, а через несколько верст левому берегу Кумбелея. Ущелье имеет в ширину около 80 сажень, а в длину 6 верст; оно достаточно ровное и легко проходное и местами покрыто лесом. С одной стороны ущелья находятся две высокие крутые заросшие лесом горы, на вершинах которых растет прекрасное тисовое дерево. В конце ущелья на скале стоит каменный жертвенник, где они молятся и приносят жертвы. Отсюда начинается область Больших ингушей. Она простирается на юго-восток на 6 верст при ширине в 4 версты. Их самые большие деревни расположены на северной стороне этой области, частью на склонах гор, частью на реке. На западной стороне реки Герге лежат несколько обособленных деревень. У входа в эту местность стоит окруженная стеной крепость, которая могла бы служить для защиты этой области. Эта местность плоская и служит всеобщим выгоном для скота. Она орошается небольшой речкой. Кумбелей омывает ее восточную и северную части, а Герге течет по южной и западной сторонам;

обе реки сливаются в ущелье, где образуют несколько небольших ручьев. Пашни расположены в основном на южных склонах северных гор; на южных и восточных лесистых горах они пасут своих овец. Под западными горами лежит деревня Вапи, от которой через лес идет дорога к Тереку. Кумбелей сбегает с западных гор двумя рукавами; по их правому берегу по горам идет дорога к реке Аксай и к живущим далее вглубь ингушам, между восточными и северными горами проходит дорога к шадигорам и карабулакам.

Река Герге берет начало в высоких снежных горах на юге и течет через южные скалистые горы. По ней проходит самая длинная пешеходная тропа на Казибек. Саку, пожилой уважаемый старейшина этой местности, снабдил меня проводником и охраной, и я отправился во внутренние области высоких гор, в район Галга, ветви ингушей или кустов. Дорога, то верховая, то пешеходная, проходит по высотам на правой стороне Кумбелея.

В 7 верстах от области ингушей находится исток Сунжи под северными высотами, затем она поворачивает в сторону гор на юго-восток к истоку Кумбелея, который находится в этой области дальше к востоку. Через несколько верст дорога спускается к руслу Аксая. Из-за частых спусков и подъемов по крутым горам эта дорога очень утомительна. Если бы она проходила через менее высокие местности вдоль Кумбелея, то была бы легче для верховой езды. Через плохой мост мы переправились на правую сторону Аксая. Здесь эта река стиснута горами и поэтому более удобна для переправы и в ней больше обломков скал; отвесные скалы неприступных гор заставляют дорогу идти то по одной, то по другой стороне реки. Недалеко от одной священной скалы, на которой ингуши благоговейно ставят рога животных или шесты, имеется второй мост для переправы на левый берег. Такие жертвенные местонаходятся во многих опасных пунктах в горах. Вследствие нехватки мостов пешеходная тропа уходит на склоны западных гор. В узких и крутых местах уложены земляные фашины, по которым едва могут перейти люди, однако по ним ходят ослы и мулы с поклажей. Наш осел, нагруженный провиантом, провалился на фашине, но горцы, которые на этот случай сзади и спереди держали его на веревках, вытащили его на дорогу. Здесь каждый должен позаботиться сам о своей переправе, ибо на улучшение этой дороги нет никакой надежды.

Через 10 верст мы снова спустились к реке и наткнулись на стену с башней поперек узкого, в 20 саженой ширины ущелья, стиснутого двумя непреодолимыми горами; башня оказалась разрушенной. Подобные остатки древних пограничных укреплений я встречал на Кавказе повсюду от одного моря до другого, на переходах по горам и в самых узких ущельях. У Дербента на Каспийском море есть такое укрепление длиной в три версты, а на границе между мингрелами и абазинами длиной около 15 верст. Самое широкое, около 60 саженой, находится на Терекке, в горах. Я думаю, что это и есть так называемые Кавказские ворота, которые упоминаются многими писателями. Описания некоей длинной стены, протянувшейся от Дербента до Черного моря через высочайшие пики Кавказа, и мнения о ней из-за своей нелепости не нуждаются в опровержении. В дальнейшем все подобные поперечные стены в ущельях я буду называть Кавказскими воротами. Эти ворота были предназначены для защиты от нападений с северной стороны; они были разрушены возле башни, и река протекала между нею и горой. В преданиях горцев говорится, что эти ворота построены Александром Македонским; иные называют другого строителя, который обновил их. Не следует ли из-за их положения, прочности и незначительных расходов на ремонт предназначить их в качестве наилучшей естественной пограничной линии? Не стоит ли восстановить их ввиду множества выгод, которые сделают неодолимым появившегося здесь русского орла?

Дорога следует по левому берегу реки, и на юго-западе начинается большая область ингушей или кустов, которые сами себя называют Шалха. У входа в эту область, на западной стороне, среди

скал находится известная пещера с железным крестом. В каждое новолуние, а также в июне, к этой пещере совершается всеобщее паломничество. На скале имеются следы древнего жилища. Область большая и неровная; все склоны гор заселены. Невозможно представить себе ничего прекраснее и романтичнее этой области. Повсюду, на скалах и холмах, стоят древние замки, конические, как пирамиды, башни; поля на склонах высочайших гор; между ними низвергаются горные речки пенящимися водопадами; на зеленых лугах для орошения проведены тысячи маленьких каналов. Область окружена кольцом скалистых гор, высочайшие пики которых увенчаны вечным снегом; кажется, что все существует здесь в таком виде уже много столетий. Поля и луга обрамлены каменной каймой. Они так экономят землю, что едва прокладывают по ней пешеходные тропинки; из-за кусочка земли шириной в одну стопу губятся целые фамилии. Для возделывания своих полей они ежегодно убирают с них скатывающиеся сверху камни, прокладывают новые водопроводы и таким образом улучшают бесплодные каменистые земли. При всех этих тяжелых трудах земля обеспечивает горцу только самое необходимое пропитание. Поэтому из каждой фамилии они отправляют нового колониста в область Больших ингушей и даже дальше в горы, в Шалху. Стебли зерновых произрастают здесь высотой не более фута, но колосья очень хорошие и полные.

Эти ингуши трудолюбивы, особенно их женщины, которые заботятся о хозяйстве и одежде, таскают по горам большие тяжести и часто за 8 верст ходят за дровами для огня. Все высокие горные местности безлесны, поэтому они с большим трудом приносят дрова с еще более высоких гор. Я думаю, что в этом заключается главная причина того, почему их дома построены из камня; крыши на них плоские и выложены песком и глиной. Жилища и башни они красят снаружи, о внутренней же части заботятся меньше. Они строят свои деревни пофамильно и обносят их стенами и коническими башнями высотой в 10-15 футов. Их поля находятся рядом с жилищем. Их животноводство состоит из свиней, коз, овец, ослов, мулов, небольшого числа лошадей и крупного рогатого скота. Нехватка пастбищ вынуждает их быть максимально бережливыми. Насколько я знаю, их потребности самые минимальные. Они одеваются плохо, на татарский манер; в жару и холод обходятся одной буркой; часто пищей им служат только корни растений; охота обеспечивает им хорошую пищу, но очень умеренную. Старшие едят первыми и оставляют немного другим, чтобы они и дети могли утолить голод. При их гостеприимстве, при всеобщей их доброте, при похвальном равномерном распределении того, что дает им счастье и случай, теряют они облик дикарей и предстают более человечными, чем наши алчные благовоспитанные люди. Они чрезвычайно худые, высокие, с легкой походкой, крепкие и неутомимые. Внешне они свободные, дикие и серьезные. В речи они пылки, но очень быстро успокаиваются. Все их чувства проявляются искренне и открыто. Презрение к жизни считают они добродетелью, малейшее проявление страха большим пороком, поэтому они безрассудно отважны.

Один молодой ингуш, окруженный 20 моими телохранителями, пытался застрелить меня.

- Берегись нападать на меня. Знаешь ли ты, чем это обернется для тебя? - сказал я ему, указывая на отряд.

- Я хочу убить только одного тебя, - ответил он своенравно.

- Ты будешь изрублен в куски.

- Я знаю это, - ответил он пылко.

- Вся твоя семья будет истреблена.

- Они могут уйти в эти скалы; там можно найти очень мало диких коз, и еще меньше моих родственников,

- засмеялся он.

- Я подарю тебе жизнь из великодушия.

- Этого ты не можешь сделать, так как я презираю ее.

Их горячность очень быстро возбуждается и так же быстро утихает, и хладнокровие, как я заметил, считается у них лучшим достоинством.

Охота, набеги и война славные занятия их молодежи, и они грабят из честолюбия и нужды. У них есть фамильные главнокомандующие, не имеющие власти; руководят только красноречие и способность к делам. Они не знают ни закона, ни покорности, ни традиций. Отец вооружает сына как только тот становится способным защищать себя, и затем предоставляет его произволу судьбы.

Они почитают одного бога, создателя и кормильца, приносят ему в жертву животных и другие мелочи. Ежегодно они совершают паломничество к священным местам, которыми по большей части являются остатки христианских церквей, которые некогда царицей Тамарой были построены повсюду в горах. Привилегию совершать жертвоприношение и молитвы в священных местах имеет только один пожилой благочестивый муж. Один из таких праздников проводится с всеобщим пиром, на котором едят жертвенных животных. От христианства у них не осталось ничего, кроме доброго расположения к нему и презрения к магометанской религии. Те, кто живет ближе к степи, позволяют себя крестить, а сюда же не приходило еще ни одно духовное лицо, так как часть людей к этому серьезно не относится, а другая часть об этом не хлопочет.

В полуденной стороне, на возвышенности, под которой соединяются оба рукава Аксяя, находится древнее сооружение, в котором ежегодно проводятся большие пиршества всего народа. Один благочестивый старец из определенной фамилии режет жертвенных животных, которых доставляют сюда соседние фамилии; голову с рогами и кости прикрепляют к постройке. Со стороны она выглядит прекрасно. Она имеет в длину 23 шага, в ширину 7 и в высоту 3 сажени. Она возведена из гладко отесанных камней; разрушена только крыша. На западной и восточной сторонах имеются узкие двери. С первой стороны был вход через ворота, которые однако сейчас заложены камнем; нынешний вход находится с южной стороны и представляет собой низкую дверцу. Над главным входом помещено несколько фигур неопределенной формы, они вырублены из дикого камня. Один мужчина сидит на стуле; над ним, с левой стороны, человек из народа протягивает руку с угольником; рядом с ним стоит мужчина, которой в левой руке держит крест, а в правой саблю. Выше, справа, другой несет виноградную кисть на шесте через плечо; с этой же стороны видны головы ангелов, которые на украшении на углу карниза повреждены. Над этой фигурой изображен фасад греческой церкви, такой же, какую я видел в натуре возле Казибек на величайшей высоте. Надписи из-за воздействия климата стали нечитаемы.

На восточной стороне имеются два узких окна, а с южной стороны вместо окон маленькие треугольные отверстия. Внутри сооружения темно, грязно и нет пола, а середина заполнена обуглившимися остатками убитых жертвенных животных. Головы с рогами, кости и сломанные стрелы лежат в стороне. На восточной стороне имеется несколько выпуклых каменных арок, которые должны иметь подземные ходы, в которых, вероятно, находятся церковные предметы и книги. Я приказал убрать камни и едва не поплатился жизнью за свое любопытство, так как мои проводники, сердитые ингуши, не одобрили ни мои исследования, ни мою молитву в священном месте.

Юго-западный исток Аксяя находится в 30 верстах отсюда, у пограничной кахетинской деревни Шпхи. Дорога тянется 8 верст по снежным горам, затем становится лучше на спуске и идет на Аннаур по хорошей дороге. Юго-восточный рукав проходит возле истока Фортана.

Река Алазань разделяет Кахетию и на юго-востоке впадает в Куру. Верховая дорога проходит вдоль берегов этих рек до истока Гихи, в 35 верстах к юго-востоку от деревни Меди, пограничного пункта лезгин, который населен ими и кумыками. Здесь живут кумыки, переселившиеся на

северную сторону Кавказа. Меди должна иметь сообщение по хорошей дороге с лезгинским торговым пунктом Анди. Мои проводники-горцы не хотели сопровождать меня дальше ввиду опасности грабежа.

У ингушей мне также грозила опасность, ибо я показался им подозрительным. После совещания о том, что нужно захватить меня живым или мертвым, решено было уничтожить меня. Эта опасность подтвердилась тем, что один молодой ингуш, когда я начал составлять чертежи, внезапно направил на меня ружье, которое мой проводник отбил в сторону и тем самым спас мне жизнь. Об этом я уже писал выше. Мои проводники советовали мне бежать, так как они узнали, что наша обратная дорога перерезана, и стечение народа в эту местность ничего хорошего мне не предвещало. Я надеялся на троих мужчин, одним из которых был родственник Сайку, с которым я заключил гостеприимство; он оставался верным мне и уверял меня, что если я смогу пройти по скалам, то он успешно выведет меня. Я немедленно последовал за ним через ущелье в горы, и вечером наш измотанный отряд вышел на реку Герге. На этой реке прежде жили Вапи; некоторые из них еще живут в этой бесплодной местности, и у них до сих пор стоит в развалинах древняя церковь. Мы вышли на дорогу, которая ведет на Казибек. Мой вышеупомянутый храбрый хозяин Сайку встретил нас дружески. Вообще Большие ингуши очень приветливы и гостеприимны по отношению к иностранцам. Их обычаи и нравы заимствованы ими у оссов и черкесов. За обедом прислуживает сам хозяин, который ест только то, что дает ему гость. Он подает голову с грудинкой, и каждый должен понемногу брать себе из этого. Уши отдают юноше, чтобы напомнить ему о послушании. После мяса пьют бульон. Они едят усевшись в круг, на корточках, голыми руками.

Их могилы это возведенные из камня склепы на поверхности земли. В них с восточной стороны имеется отверстие, через которое вносят покойника, после чего отверстие закладывается камнем. Женщины вешают на них свои косы. В честь убитого молнией они ставят шест, на который насаживают голову и растягивают шкуру козла. О времени своего поселения здесь они не знают. Только разрушенная церковь на северной горе, где они совершают свои жертвоприношения, свидетельствует о древности. У них много скота и хорошие лошади. Богатые сдают в аренду свой скот и находят в этом много безопасности и выгоды, 10 овец и 10 баранов дают в три года 8 голов прибытка, а владелец получает 28 голов. Если арендатор в результате несчастного случая теряет овец и не может возместить их сразу, то в течение трех лет он должен отдавать по одной корове, пока не возместит 28 голов. За одну корову с теленком он ежегодно отдает 1 овцу. 1 кобыла стоит 1 коровы и половины числа павших жеребят. Этот обычай является у них неписанным законом. Они собирают также определенный налог для помощи беднякам и беспомощным людям. Они разрешают себя крестить, полностью соблюдают великий пост, и это все, что они знают о христианстве. При этом они также совершают паломничество к священным местам и почитают пещеру, где находится железный крест. У них много удивительных преданий об этих священных местах, а также о склепе в местности Шалха, где я пытался разобрать камни. Среди 9 башен находится один склеп, в котором имеются большие книги, золотой подсвечник, нетленные мужское и женское тела и полный драгоценностей сундук. В этом у них столь мало сомнений, что они заложили вход камнем; как я уже говорил, я был лишен возможности исследовать этот склеп. Из-за угона лошадей духовные лица из Осетинской комиссии несколько лет уже не посещали эти местности, однако я заметил, что ингуши сделали это больше для наказания духовных лиц, чем из корысти. Насколько я смог узнать, причина этих неприятностей заключается в мошенничестве армян. Грузинский царь Ираклий приказал своим армянам скупать лошадей в Кабарде и на нашей линии. Поскольку ингуши были на них злы, они ушли в горы и стали истреблять армян. Грузинские армяне обратились к моздокским, которые каждую лошадь стали продавать как свою собственную,

получая при этом помощь со стороны русских. По просьбе коменданта ингуши вернули большую часть лошадей, которые должны были быть проданы по 15 рублей за голову. Уполномоченный от армян принял товар и расписался. Старейшины ингушей последовали за ним в Моздок. Здесь товар был оплачен только наполовину, и ингуши настаивали на двойной оплате, держа наготове плети. Свободная продажа товара обернулась бы для них убытком, и все устроилось согласно стремлению жадного армянина.

Ингуши разделяются на 7 родов: 1) Тергимха, 2) Аги, 3) Хамхой-и, 4) Хартой, 5) Цимкал-бох, 6) Ге-ула-ви, 7) Вапи.

Добром и уступчивостью их очень легко склонить на свою сторону и приобрести их доверие. Я часто бывал у них третейским судьей, и они всегда признавали мое решение. Более близкое знакомство с ними обеспечило бы мне их симпатии и повиновение. Причиной многих затруднений в делах с ними были не только упрямство русского корыстолюбивого переводчика, но и мошенничество армян. Если бы этих торгашей ограничить в их мошенничестве и запретить им бродяжничество, то ингуши могли бы стать оплотом пограничной линии, особенно Моздока, и стали бы честно продавать и покупать.

РЕКА ТЕРЕК

Наконец я оставил ингушей, пошел по Кумбелею на запад под горами трех рек, текущих в узких берегах, и через 7 верст пришел в деревню Зауров. Она лежит на более высоком правом берегу Терека, в 2 верстах под предгорьями. Старшина Гетта, родственник моего хозяина Сайку, считается здесь самым знатным; он принял меня наилучшим образом. У него только одна башня и дом из камня, другие постройки деревянные, а двор обнесен забором. Это первое осетинское местечко...

(Выделено админ).